

ЖИЗНЬ «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС»: РАВНОДУШИЕ К СМЕРТИ, ВЕЧНОСТИ И БЕССМЕРТИЮ

Волков Владимир Николаевич

доктор философских наук, профессор кафедры управления, социально-культурной деятельности и туризма Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Аннотация. Человеческое бытие — это «бытие к смерти». Смерть и бессмертие — одна из основных проблем, над которой бились лучшие умы человечества. Осознание мимолётности жизни делает ценной и значимой только вечную длительность. Отличительной особенностью культуры постмодерна является попытка изгнать смерть из наших жизней. Современный человек живёт так, как будто смерти не существует, несмотря на то, что она — единственный несомненный факт нашей жизни. Когда мы начинаем поступать подобным образом, завершается полное ниспровержение жизненного цикла и круговорота. Жизнь становится плоскостью, ландшафтом, поверхностью, размеченной моментами различных переживаний в бесконечной продаже и потреблении чувств, эмоций, настроений.

Ключевые слова. Смерть, бессмертие, вечность, смысл жизни, нация, семья, постмодерн

Введение

Культура есть тот тип человеческой деятельности, который состоит в превращении неуловимого в осязаемое, связывании конечного с бесконечным, в строительстве мостов, соединяющих смертную жизнь с ценностями, неподвластными разрушающему влиянию времени. Прояснение отношений со смертью, насыщение их человеческими смыслами относятся к числу главных культурных задач. Английский социолог Зигмунт Бауман отмечает, что культура строит мосты между бренным и вечным. Хотя опоры моста стоят на зыбучих

песках абсурда, уловки культуры позволяют возводить опоры на самых хрупких фундаментах. Культуре удалось построить много типов таких мостов¹.

Жизнь, смерть, бессмертие в истории человечества

Одним из наиболее распространённых мостов стало представление о жизни после смерти. На протяжении многих веков человек верил в жизнь трансцендентную, потустороннюю. Земная жизнь — лишь миг, внушали ему, но есть жизнь вечная; земная жизнь — это подготовка к вечной жизни, а смерть — переход, мост, граница, соединяющие земное и вечное бытие. Земное — падшее, неполноценное, греховное. Потустороннее — полноценное, высшее, настоящее, истинное. Эта мысль о жизни вечной, чистой, одухотворённой согревала и одновременно пугала, так как шансов попасть в рай у человека было немного, но гораздо более реальной перспективой было загреметь в ад на муки вечные.

В Новое время появляется убеждение в том, что жизнь отдельного человека приобретает смысл, если он оставит след в культуре, внесёт вклад в сокровищницу человеческой мысли, людских деяний и подвигов, если плоды его трудов останутся потомкам в пользование и назидание. В эту эпоху неявно подразумевается, что по большому счёту жизнь человеческая не самоценна, сама по себе она не имеет смысла; если и можно говорить о смысле, то только о смысле жизни человеческого рода. Человек умрёт, превратится в прах, ибо он смертен, но культура и человечество бессмертны, поэтому человек должен работать на благо человеческого рода, развивать культуру, обогащать её, тем самым обретая смысл жизни. Иначе говоря, человек должен принести себя в жертву обществу ради счастья будущих поколений. На вечность и бессмертие в той или иной мере всегда претендовали культура, нация, этнос, государство, семья.

Из убеждения в том, что человек как-то связан с вечностью, проистекает желание определить человека через призму этой связи. Таковы предпосылки вопросов о «тайне» жизни, «смысле» истории, идеальном обществе, прогрессе,

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

освоении Вселенной. Мимолётность, краткость жизни утверждают её ценность косвенно, порождая понимание того, что сколь бы коротка ни была наша жизнь, она — наш единственный шанс обрести опору в вечности. Вечность проявляется в человеческой истории как некий абсолют, сконструированный сознанием и приписываемый бытию. Всемогущий, Всеблагой, Всезнающий Абсолют, часто называемый Богом, описывается, как правило, в антропологических категориях.

Смерть служила центральной темой культур на протяжении всей истории человечества. С ней воевали с безрассудством романтиков, она изгонялась в обрядах, предназначавшихся для успокоения живущих, принималась со смирением просветлённых, укрощалась на карнавалах простонародья, но никогда не отрицалась. Русский мыслитель Николай Фёдоров называл смерть главным врагом человека и предлагал утопические рецепты борьбы с ней.

Масса и смерть в интерпретации М. Хайдеггера

В своих работах Мартин Хайдеггер дал глубокий анализ проблемы смысла жизни и смерти. По его мнению, подлинное бытие всегда есть бытие-к-смерти. Для индивидуальной жизни смерть есть окончательное закрытие всех проектов. Хотя этот фон небытия мерцает на краю нашего сознания, мы всегда сопротивляемся тому, что он открывает в нас. Мы исходим из того, что время продолжается, и что каждый проект найдёт своё основание и оправдание в другом проекте. Всё это, по Хайдеггеру, равноценно стремлению найти прибежище в “Man”, в «людях», в «некто», в «массе», где каждый индивид взаимозаменяем с другим. Повседневность наличного бытия определяется растворением в “Man”.

В эпоху постмодерна вперёд выступает анонимность, масса, «молчаливое большинство», которое поглощает энергию социального и политического, государства, истории, культуры, смысла. Масса безлика, в ней растворяется всё индивидуальное и личностное. Для неё не существует смерти, она бессмертна — ведь умирают всегда другие. Выступая символом повседневности, в которой царствует рутина и пошлость, масса стремится ограничить собственную

активность и заменить её наблюдением или обсуждением со стороны, пересудами, сплетнями, слухами. В них рефлексия вырождается в скольжение по поверхности, профанацию предмета, хотя и создаётся видимость его мыслительного освоения, призванного создать иллюзию знакомства с ним.

В массе невозможно отчуждение, ибо здесь не существует отдельность, выделенность, самость. Масса всё низводит до среднего уровня, усредняет; то, что усреднению не поддаётся, — монументализируется, фетишизируется, превращается в предмет почитания и поклонения. Массы не оказывают сопротивления, но выступают в качестве «гигантской чёрной дыры», в которую проваливается любой смысл, любая индивидуальность. Рациональная коммуникация и массы несовместимы; все артикулированные дискурсы поглощаются ею переводом в плоскость иррационального, единственная устойчивая характеристика массы — безразличие. «В медиатехнической перспективе «общество» пенных ячеек представляет собой мутную среду, обладающую определённой способностью быть проводником информации и определённой проницаемостью для различных веществ. Излияния непосредственных истин ею не передаются. Если бы в соседнем доме жил Эйнштейн, то я несколько не стал бы больше знать о Вселенной. Если бы Сын Божий годами проживал на одном со мной этаже, я бы в лучшем случае задним числом узнал, кто был моим соседом. В пене с любого места видно лишь отграничивающее, всеохватные панорамы исключены, — в самом крайнем случае в каком-либо пузыре формируются излишки, используемые во многих соседних пузырях. Новости передаются выборочно, выход в целое отсутствует. Для теории, воспринимающей бытие-в-пене как первичную ситуационную определённость, завершающее какое бы то ни было супервидение Единого Мира не только недостижимо, но и принципиально невозможно — а при правильном понимании и нежелательно².

Согласно М. Хайдеггеру, в публичном бытии-друг-с-другом смерть представляет собой устойчивое повседневное явление, которое истолковывается

² Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3. Пена. СПб.: Наука, 2010. С. 56-57.

так: “Все умрут, тут уж ничего не поделаешь”. В словах “все умрут” скрывается двусмысленность, ибо “все” — это как раз то, что никогда не умирает и никогда не может умереть. Наличное бытие говорит “все умрут”, потому что это “все” означает “никто”, то есть во всяком случае не я сам. В бытии-друг-с-другом смерть есть нечто, для чего “Man” уже имеет наготове соответствующее толкование. В словах “все умрут” смерть заранее нивелирована до бытийной возможности, которая в определённом смысле не принадлежит никому. Но тем самым смерть как таковая, заранее оттесняется. “Все умрут” — это истолкование, в котором наличное бытие ставит на свою собственную возможность штамп публичной растолкованности, имеющей хождение в повседневности.

М. Хайдеггер отмечает, что в этом оттеснении смерти заключена ещё одна двусмысленность: “Все умирают. Но ведь пока ещё смерть не пришла”. Это говорится так, как будто смерть должна однажды откуда-то прийти, тогда как в действительности само наличное бытие уже всегда есть эта его возможность. Значит, это оттеснение собственного бытия смерти имеет характер успокоения. Публичное самоистолкование жизни заходит настолько далеко, что, например, даже умирающему всё ещё внушают, что он вскоре поправится, то есть вновь вернётся в повседневность наличного бытия. Этим усреднённое, ориентированное на мир самоистолкование жизни думает утешить Другого, войти в подлинное со-бытие с ним, тогда как подобные утешения лишь вновь выталкивают наличное бытие в мир, в котором оно растворяется. Та же самая публичная растолкованность заранее устанавливает и публичные формы бытия к смерти, поскольку она уже решила, что следует о ней думать. В публичности мысли о смерти рассеиваются как слабость, страх, мрачное расположение духа и бегство от мира. Публичность не оставляет места для таких вещей, как решимость к страху смерти, приводит к его забвению — и одновременно растолковывает это как уверенность в себе и превосходство самого наличного бытия над этим мнимым помрачением жизни. Эти характеристики определяют способ безличного бытия, и здесь выявляет себя бытие в виде ниспадения.

Хайдеггер приходит к выводу, что смерть как таковая есть то, что изолирует личность, вырывает её из анонимности “Man”. Смерть есть единственная собственная возможность человека, поскольку только в смерти он незаменим, никто не может умереть за него. Если личность признаёт в смерти свою судьбу, то она освобождается от иллюзий анонимного существования. Так вскрывается пагубность склонности людей ускользать от этого обстоятельства в заботы привычного повседневного мира. Решимость человека подтвердить, что его подлинное бытие есть бытие-к-смерти, раскрывает смысл того, что составляет его бытие для него самого³.

У Хайдеггера аутентичное осознание феномена смерти — условие перехода к подлинному, не безличному модусу существования человека. Смерть всегда носит “личный” характер, она — всегда “моя”, никем не может быть со мной “разделена”, “никем не может быть отнята. Смерть — это то, что не выбрано нами, мы брошены в наше “бытие к смерти”. В повседневной жизни человек “забывает” про смерть, вытесняет её из жизни, превращая в объект, которого следует бояться, или стремится избегать ситуаций, которые могут к смерти привести. Смерть других “людей” является для нас опытом утраты, однако утраты в пределах нашего бытия-в-мире, смерть недоступна для нас как потеря нашего собственного бытия (человеку доступен только опыт смерти других людей). Поскольку условия и обстоятельства смерти недоступны рефлексии (смерть принципиально непредставима), важно не то, что человек думает о самом событии смерти, но то, какое она может иметь значение для “полноты” жизни, понимания человеком своих бытийных возможностей⁴.

По сути ‘Man’, по сути, есть отчуждение от Я. ‘Man’ — это не абстракция, не общее понятие, которое охватывает «все Я», но оно желало бы иметь отношение к тому, что присутствует в каждом из нас. Однако в ‘Man’ невозможно встретить нечто личностное. ‘Man’ экзистирует, но «за ним ничего не стоит». Оно представляет мою сторону, обращённую к обществу, мою заурядность. ‘Man’ я имею вместе со всеми прочими людьми, это — моё

³ См.: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.

⁴ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.

общественное, публичное Я, и по отношению к нему всегда верны усреднённые параметры. Таким образом, 'Man' позволяет себя понимать только как нечто несамостоятельное. То, что оно представляет собой, ему говорится и задаётся другими. Петер Слотердайк отмечает: когда при анализе «людей» (Man) говорится: «Каждый оказывается другой и никто не он сам», то здесь налицо катастрофа идеи прочных отношений. Каждый оказывается другим и никто не является самим собой: это положение кажется вполне применимым к лицам триединости, и оно действительно лишь для запутавшихся друг в друге и потерянных для самих себя обобществлённых людей»⁵.

Достаточно быть человеком современных масс-медиа, чтобы раствориться в серой причастности друг другу. Хайдеггеровские «люди» воплощают собой неотчётливую жизнь многих друг в друге и всеобщую верность усреднённости. «"Люди" — это гигантский обитатель мира, платящий цену за символическую и материальную комфортность своей формы жизни, заключающуюся в том, что он позволяет вовлечь себя в поток всеобщего опустошения внутреннего мира. Его внутреннее целиком и полностью перешло во внешнее; сама его душа есть не что иное, как сумма внешних данностей»⁶.

Тезис «Бог мёртв!» как благая весть современности

П. Слотердайк считает, что тезис «Бог мёртв», несомненно, стал благой вестью современности, поскольку он заставил человека отрезветь, освободиться от иллюзий и излишнего оптимизма. А «после всех мерзостей XX века, устроенных с помощью техники — от Вердена до Гулага, от Освенцима до Хиросимы, — опыт не предрасполагает ни к какому оптимизму»⁷. В шокирующем столкновении с голым фактом существования вещей индивид открывает, что всё, что он совершает или не совершает в этом универсуме разрастающейся фактичности, не имеет никакого значения. Перед лицом бесконечной бессмысленности человек ощущает себя выброшенным из всех

⁵ Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. С. 646.

⁶ Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1.: Пузыри. СПб., 2005. С. 649.

⁷ Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 43.

оболочек и предоставленным ничтожности. Он открывает, что мир, в котором он находится, есть не что иное, как равнодушная машина становления, непрерывно и бессмысленно вращающаяся внутри себя самой.

Для того, кто обнаруживает себя в аду фактического, этот ад уже не нуждается ни в чём потустороннем; он — не регион в потустороннем, которого можно достичь и который можно пересечь благодаря особого рода душевному взлёту; он всегда уже наличествует как абсолютная, неизбежно бессмысленная поюсторонность. Если в метафизическом режиме смысл мог продуцироваться основываясь на некоем прасмысле, необходимости и предвидении, то современность перешла к генерированию смыслов посредством проектов на основе бессмысленности, случайности и прогностики. Эту беспрецедентную трансформацию её участники переживают как нигилистический кризис, метастазы которого и впредь будут давать о себе знать с чрезвычайной остротой; ведь если в основных странах новой смысловой экономики возникла неустойчивая ситуация постметафизической повседневности (не в последнюю очередь благодаря вездесущим медийным массовым успокоительным средствам), то в переходных зонах и сопротивляющихся культурах мы можем наблюдать драматические конвульсии. «Постметафизически корректные стержневые культуры Запада находятся на определённой смысловой диете (и это необязательно история спасения), тогда как маргинальные и реактивные культуры до сих пор набивают брюхо трансцендентными сладостями»⁸.

В XX веке представители экзистенциализма превратили сравнение бытия-в-мире с бытием-в-аду в фундамент своих учений об ангажированном существовании. Для них медитация на тему голого факта существования стала универсальным ключом к первому, ещё неуверенному, истерическому мышлению внешнего. Каждый европеец, глядя на механизм собственной цивилизации, мог усвоить урок: универсум не обращает внимания на человека.

П. Слотердаик находит в хайдеггеровском «Я умираю» ядро кристаллизации, вокруг которого может развиваться реальная философия

⁸ Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. С. 666.

обновлённого кинизма. Бессмысленность жизни оправдывается только её уникальностью. С бессмысленностью можно связывать не только отчаяние и кошмар существования в подавленности, но и устанавливающее смысл торжество жизни, исполненное энергии сознание своего существования «Здесь и Сейчас» и ощущение безграничного праздника. То, что у самого Хайдеггера всё обстоит гораздо более мрачно, и то, что его экзистенциальный сценарий разыгрывается на фоне серых оттенков повседневности, ярких вспышек страха и кричащих тонов смерти, хорошо известно и служит причиной того, что его учение предстаёт в меланхолическом ореоле. Однако в пафосе бытия-к-смерти можно обнаружить немножко кинизма. Мир, выступающий как производственное предприятие, делает всё, чтобы вытеснить мысль о смерти, тогда как «подлинное» экзистирование вспыхивает и разгорается только тогда, когда я трезво постигаю, как я стою в мире, с глазу на глаз со страхом смерти, который заявляет о себе только в том случае, если я предварительно радикально доведу до конца мысль о том, что я — тот, кого в конце моего времени ждёт моя смерть. Хайдеггер выводит отсюда изначальную жуткую бездомность существования; ведь мир никогда не сможет стать надёжным, дающим уют и защищённость обиталищем человека, где он — дома. Поскольку существование принципиально тревожно и бездомно, «бесприютный человек» оказывается во власти стремления бежать в искусственный приют и на искусственную родину и возвращаться, уходя от страха, в свои привычки и свои квартиры.

Слотердаик отмечает, что грубые, материальные возможности ревитализаций способны обнажить более глубокие слои нашей смертности, которые не затрагиваются витализмом потребления, спорта, лихорадки дискомузыки и свободной сексуальности. Эта внутренняя сфера смерти есть то, что именуется «нигилизмом», — смесь лишённости иллюзий и отчаяния, ощущения пустоты и алчности. Что знает о жизни человек, исполненный страха, пекущийся о безопасности, работающий по найму, погружённый в заботы, в историю, в планирование? Если мы суммируем то, что составляет сегодня содержание нашей жизни, то в итоге получится много упущенного и мало

сбывшегося, много невнятных мечтаний и мало реальности. Неприязнь к культуре проявляется сегодня как универсальный диффузный цинизм. П. Слотердаик характеризует его так: «Ещё продолжают дарить друг другу книги и слегка удивляются, когда в Германию прибывает с визитом папа римский — оказывается, он ещё существует. Делают свою работу и говорят себе, что лучше было бы вообще ни с чем не связываться и ни от чего не зависеть. Живут от одного дня к другому, от отпуска до отпуска, от одного вечернего выпуска новостей до другого, от проблемы до проблемы, от оргазма до оргазма, в потоке личных катаклизмов и непродолжительных историй, в судорожном напряжении и в то же время вяло. Чувствуют, что какие-то вещи «задевают», но в большинстве случаев происходящее совершенно безразлично»⁹. Здесь жизнь означает: «пока-ещё-не-быть-мёртвым».

Милитаристский дискурс как жажда смерти

Так же, как война производит великое переворачивание морального сознания, ставя на место фундаментального «Не убий» заповедь «Убей как можно больше», она ставит на голову и все прочие «региональные» этики и этики отдельных «секторов», делает бессмысленное осмысленным, а разумное — абсурдным. Состояние войны — это радикальный экзистенциальный вопрос, обращённый к каждому гражданину: присутствует ли в его существе (самоидентичности) ценность, большая, чем ценность его индивидуального существования (его частного «я»). Готовность стать воином и воевать означает готовность принести в жертву себя как частное лицо на алтарь большего (страны, этнической группы, класса, религиозной общины, прав человека и т.д.), согласиться и даже требовать от ближнего подобной же жертвы, решимость, будучи военачальником, принести ближнего в жертву, в том числе и без его согласия, если того требуют интересы большего. Логика войны предполагает также раскол человечества на своих и чужих. Слотердаик отмечает, что мораль с её запретами типа не убий, не укради и т.д. действует

⁹ Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, 2009. С. 175.

лишь в мире своих. Чужие из морального сообщества исключены (традиционно по обе стороны фронтов враги именуются зверьми, а их действия зверствами). Лишение жизни чужого в состоянии войны не рассматривается в качестве убийства, а конфискация или уничтожение его собственности для целей войны — воровства. Логос войны возвышен, поскольку обнаруживает в человеке большее, чем его индивидуальное существование, — трансgressирующую его индивидуальное существование основу самоидентификации, и, в силу правды жизни, жесток. На это указывает и З. Бауман: «Нация, которая перестаёт требовать жертв со своих представителей, станет бесполезной в её качестве средства достижения бессмертия»¹⁰.

Любое государство выстраивает определённый милитаристский дискурс, мифологизируя «священную обязанность умереть» и «священный долг погибнуть». Если, например, государство навязывает молодому человеку всеобщую воинскую повинность, службу в армии или участие в агрессии против соседнего государства, то одновременно оно включает его в определённую смысловую и моральную «языковую игру». Выполнение «священного» или «интернационального долга» подразумевает, что «защита Родины — священный долг каждого гражданина»; «служба в армии — почётная обязанность»; «армия позволяет реализовать право каждого гражданина на выполнение долга и священной обязанности по защите Отечества»; «Родина посылает своих сыновей на боевой/ратный подвиг — Родина-мать зовёт», «по зову Родины, по зову сердца защитник Родины готов на подвиг, на выполнение сыновнего долга/обязанности перед Родиной», «солдат обещает приложить все усилия, чтобы приносить Родине только пользу, ведь быть гражданином своей страны — священный долг каждого», «Родина может послать солдата выполнять любую задачу», «приказы не обсуждают»; «умереть за Родину — почётно и достойно!», «Война, которую ведёт Родина, всегда справедливая, оборонительная, священная!», «Если вас на войне убьют и вы будете лежать на кладбище, то

¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 306-307.

Родина будет гордиться вами — своими защитниками-героями-сыновьями» и т.п.

В эпоху постмодерна милитаристский принцип реальности разваливается прямо у нас на глазах. Соответственно, говорит П. Слотердаjk, возникает вопрос: хватит ли у нашей цивилизации духовных ресурсов, чтобы установить новый, трансмилитаристский и постиндустриальный принцип реальности? Ведь атомное, бактериологическое, химическое оружие, равно как и вся система устрашения противника с помощью «обычных» вооружений — это не что иное, как уродливые проявления всемирно-исторического процесса ожесточения, в котором имперские культуры выразили свою сущность, воплотив её в технике. Грозный катастрофой реализм может быть только принципом реальности политизированных психопатов. Эпоха милитаристского разума как средства выживания клонится к своему роковому исходу.

Поскольку никакое современное, постметафизическое, сциентизированное мышление не способно понять смерть как своё собственное, возникает установка: смерть не присуща жизни, не имеет с ней ровно никакой связи, будучи абсолютным уничтожением. Поскольку нет «моей» смерти, мышление всецело концентрируется на единственной смерти, которая может мыслиться как нечто предметное: на смерти других. Следовательно, «живи и дай умереть другим». Современный субъект не может помыслить свою «собственную» смерть, поэтому он подпадает под действие закона, заставляющего избегать её всеми средствами. Если субъект есть то, что не может умереть, то он превращает весь мир в ареал борьбы за собственное выживание.

Утрата веры в потустороннее

П. Слотердаjk констатирует, что смерть в современном мышлении — не дверь, которая куда-то ведёт, а чистый обрыв, рубеж между бытием и ничто. После отмежевания от смерти всё, что есть Не-Я, должно было стать потенциально враждебной, чуждой действительностью. С тех пор как человек не может больше мыслить себя партнёром потустороннего, оказался затемнённым и

его взгляд на данный ему мир. Возникает необходимость самому придавать смысл миру — отсюда и нигилистический шок: оказывается, что нет никакого смысла и что мы должны сами изобрести его, а потом сами и «потреблять» его, довольствоваться им. Если дело дошло до этого, остаётся последний вывод: в окружении бессмысленного смысл имеет только слепое самосохранение.

П. Слотердаик отмечает, что мы живём сегодня в цинизме, из которого не произрастает никаких «цветов зла». Институты, порядки, аппараты, поддерживающие порядок в обществе, органы западной культуры перестали быть вспомогательными средствами человека в процессе полагания им смысла. Они средства и инструменты нигилизма. Не они повисли в воздухе, повисло в воздухе человеческое существование в целом, лишившись почвы, на которую опиралось, теперь оно судорожно цепляется за превратившиеся в самоцель средства существования.

Просвещенческий разум, приправленный скептическим оптимизмом, считал себя способным справиться с мировыми тенденциями, которые «пока ещё» не складывались по меркам разума. Сегодня человек не может больше верить в это, памятуя о случившихся мировых катастрофах и видя угрозу глобальной смерти в будущем. «В неоцинической позиции находят свое завершение всемирно-исторические процессы научения горьким опытом. Они впечатали в наши больные опытом сознания следы ледяного холода экономического обмена, мировых войн и самоопровержения идеалов. Оп-ля, мы живы; оп-ля, мы продаёмся; оп-ля, мы вооружаемся; тот, кто умрет раньше, сэкономит на взносах в пенсионный фонд»¹¹. Каков же из сказанного вывод? По Слотердайку вещи могут идти своим чередом, если мы откажемся от замаскированных серьёзностью активизмов и пассивно позволим себе жить как живётся.

С такой позицией во многом солидарен Зигмунт Бауман, который считает, что по мере секуляризации не исчезают, а увеличиваются страдания, для утolenия которых прежде использовалась религия. По мере распада образа

¹¹ Слотердаик П. Критика цинического разума. М., 2009. С. 787.

небесного (в христианском мировоззрении) и земного рая (в либерализме, марксизме и социализме) неизбежность смерти начинает восприниматься и осмысляться как произвол, скандал, недоразумение, которое должно быть исправлено. В светских идеологиях спасение души рассматривается как абсурдное утверждение. На этой основе возникает необходимость в другом понимании преемственности. Речь идёт о светском преобразовании неизбежной смерти в бессмертие и придании смысла случайности.

Мосты в бессмертие разрушены

З. Бауман указывает, что традиционно носителями идеи вечности и бессмертия были нация и семья. Нация всегда озабочена проблемой смерти и бессмертия. Воображая себя бессмертной общностью, она внушает всем, что существовала и будет существовать вечно. Она перерабатывает тот опыт священного, который присущ мировой религии, и придаёт ему гражданскую и территориальную форму. «Священный» параметр нации — страстное желание бессмертия, переходящее в стремление к членству в нерушимом коллективе. Согласно Б. Андерсону священное является постоянной антропологической величиной организованной общественной жизни; и современный мир в этом плане не является исключением, вся его новизна состоит только в том, что принимаемая им национальная форма, по существу, носит светский характер. Историческая длительность нации придаёт смысл индивидуальной быстротечности и особенно выделяется своей способностью впустить в себя почти любого из живущих. Б. Андерсон считает, что «конец эпохи национализма», который так долго пророчили, ещё очень и очень далеко. Быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»¹². Национализм, таким образом, выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своём воображении.

¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 26.

Семья была ещё одной общностью, в которой сконцентрировалось коллективное решение драмы индивидуальной смертности: каждый отдельный член семьи смертен, но семья как таковая может избежать умирания. Однако в эпоху постмодерна нация и семья перестали олицетворять вечно продолжающуюся длительность. Неудивительно, что кризис, который поразил сейчас нацию и семью, ставит современную цивилизацию в затруднительное положение.

Из всех общностей нации и семьи наиболее близко подошли к идее вечности и могли служить реальным её воплощением, пока оставались надёжно защищёнными полномочиями государства. Но, по Бауману, эра национальных государств подходит к концу. Они больше не защищены экономическим, военным, культурным и политическим суверенитетом; эти элементы суверенитета вынуждены капитулировать под давлением сил глобализации. Что бы ни делало государство, это выглядит до смешного несоизмеримым с мощью экстерриториального и кочующего капитала. В отличие от Б. Андерсона Бауман утверждает, что не защищённые неограниченным доминированием государства, нации внезапно начинают казаться хрупкими, недолговечными, слабыми, ненадёжными и недостаточно древними, чтобы быть способными нести бремя вечности. Ни одно государство не может существовать, если его граждане не чувствуют себя экзистенциально защищёнными. Государство — это нечто огромное, могущественное, бессмертное. Если человек не ощущает себя частью государства, то исчезают мотивы приносить ему любые жертвы. Люди бегут за границу, не платят ему налоги, не принимают его всерьёз — оно не стоит того, чтобы мы имели с ним дело.

Семьи также обеспечивали их смертным членам контакт с вечностью до тех пор, пока предлагали «жизнь после смерти». Сегодня продолжительность жизни семьи не превышает срока жизни её членов, и мало кто может утверждать, что семья, которую они создали, переживёт их самих. Вместо того чтобы служить прочным звеном в непрерывной цепи кровного родства, браки становятся тем местом, где цепь рвётся, а идентичность семейных родов

ослабляется и растворяется. Браки «на всю оставшуюся жизнь» заменяются партнёрствами, призванными продолжаться до тех пор, пока совместное существование приносит обоим партнёрам удовлетворение.

Отличительной особенностью культуры постмодерна является попытка изгнать вечность и бессмертие из наших жизней¹³. В сфере национальных и семейных отношений происходит отказ от вечного и бессмертного и переход к краткосрочному и временному. В процессе интенсивной миграции происходит резкое перемешивание языков, обычаев, традиций, образов и стилей жизни. В результате сексуальной революции и подъёма феминизма наблюдается отход от норм и ценностей эпохи модерна, плюрализация сексуальной морали и форм сексуальной жизни. Разрушаются традиционные формы семейных отношений и начинается поиск нового опыта в области семьи, секса, эротики, любви, возрастает интерес к телесному как полю бесконечных экспериментов. Получают распространение альтернативные формы семьи: неполная, пробная, дислокальная, гомосексуальная и пр. Общественное мнение примиряется с тем, что сексуальная ориентация индивидов одного пола не только может быть различной, но даже непостоянной и неопределённой. Партнёрства оказываются уже не тем, что должно достигаться «посредством длительных усилий и периодических жертв, а... чем-то, от чего ожидают немедленного удовлетворения, что отвергается, если не оправдывает этих ожиданий и что поддерживается лишь до тех пор (и не более), пока не продолжает приносить наслаждение»¹⁴.

Таким образом, полагает З. Бауман, два основных моста, — нации и семьи, — воздвигнутых в новое время для связи между индивидуальной смертностью и вечными ценностями, рушатся. Последствия для человеческого существования, жизненных ориентиров и стратегий огромны: впервые в истории счёт дней и придание им смысла лишаются разумной основы и институционального базиса. Больше не существует вызывающих доверие, надёжных точек соприкосновения между быстротечностью и долговечностью,

¹³ См.: Бауман З. Текущая современность СПб.: Питер, 2008.

¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 198.

между тем, что может уместиться в ограниченный отрезок человеческой жизни, и тем, что вырвется за пределы, установленные физической смертностью. Список последствий, констатирует Бауман, весьма продолжителен и далёк от завершённости. Возникает беспрецедентное давление на мосты, приспособленные для путешественников — одиночек: пути в бессмертие, когда-то предназначенные для немногих избранных, заполняются толпами, желающими на них вступить. Но эти мосты совершенно не годятся для массового движения. Как только входные пропуска начинают щедро продаваться, да к тому же и по сниженной цене, само путешествие изменяет свой характер; продаётся уже «впечатление», или ощущение, бессмертия, но не оно само.

Смерть как модный бренд

И действительно: смерть стала модным брендом, общим местом, навязчивой идеей. То, что раньше было табуировано, сейчас притягивает, выходит на первый план. Растёт интерес к смерти, трупам, открываются музеи погребальной культуры. Всё большей популярностью пользуется «мрачный туризм» (dark tourism), стремительно растёт количество посещений мест массовых захоронений, убийств, глобальных экологических катастроф, тюрем, концентрационных лагерей: Гулага, Освенцима, Чернобыля, Хиросимы, Холокоста и т.п. Турфирмы организуют экскурсии по кладбищам, моргам, камерам пыток. Создаются музеи погребальной культуры. Однако всё это — всего лишь формы ухода от смерти и притупления чувствительности к ней. Следует признать, что современная смерть потеряла смысл. Язык чётко фиксирует это: сыграл в ящик, дал дуба, загнулся, испустил дух, околел, окочурился, отбросил коньки, приказал долго жить, протянул ноги, скопытился, склеил ласты, скончался, ушёл из жизни — всё это выражение довольно циничного и равнодушного отношения к смерти и к тому, кто умер. Ведь уходящий всегда проигрывает, потому что он уже не может принимать участия в вечном празднике потребления! А мы постоянно что-то отмечаем: праздники

идут один за другим, выстраиваются в ряд, наслаиваются друг на друга, движутся по кругу — рождество католическое, православное, новый год, день полиции, таможенника, сталевара, шахтёра, космонавтики, сантехника, медработника, независимости, единения, города, пива, революции, победы, освобождения от монголо-татар, от поляков, усекновения главы святого Н., дни святых Матрёны, Фёклы, Иоанна, десантников, расстрела, рождения, воскрешения, взятия-освобождения и пр. и пр. и пр. Посредством праздника мы должны вырваться из серой обыденности буден и пережить нечто яркое, необыкновенное, чудесное — приобщиться к бессмертию коллектива.

Слава обычно была королевской дорогой к индивидуальному бессмертию — ныне её заменила известность, которая является предметом потребления, а не результатом напряжённого труда. Как и любой предмет потребления в обществе потребителей, известность создана, чтобы приносить мгновенно получаемое и быстро иссякаемое удовлетворение. Известность столь же доступна, сколь и мгновенна. Таково же впечатление от бессмертия; бессмертие, не являющееся ни мгновенным, ни доступным, почти невозможно себе представить, да к тому же оно и не пользуется особым спросом. Что такое мифический рай по сравнению с могуществом современного общества потребления?

В погоне за известностью прежде не имевшие конкурентов претенденты на славу — учёные, художники, изобретатели, политические лидеры — утрачивают преимущества перед артистами эстрады, звёздами кино, авторами дешёвых романов, фотомоделями, футболистами, серийными убийцами или многожёнцами. Все должны соревноваться на одних и тех же условиях, и успех каждого измеряется по единым критериям: количеству проданных копий, времени присутствия на телеэкранах и строчках в рейтингах. В достижении престижа мимолётные, но частые появления в рейтинговых телевизионных шоу значат больше, чем годы незаметных исследований или усердного экспериментирования.

Скорость, с которой меняется мода, рождаются и исчезают знаменитости, опровергает любые подозрения в значимости каждого дня. Повседневный опыт учит, что время движется не по прямой, а по кругам и спиральям, которые трудно предсказать и невозможно представить заранее: время не является необратимым, ничто не бывает потеряно навсегда, хотя ничего нельзя обрести навечно, и то, что происходит сегодня, не обязательно отразится в днях завтрашних. Дни не имеют значения, и в подсчёте их остаётся всё меньше смысла. Не трудитесь над созданием активов для будущего, живите в кредит сегодня, думать о завтрашнем дне — напрасная трата времени. Культура кредитных карт вытеснила культуру сберегательных счетов, — утверждает Бауман.

Секс, эротика, любовь

Ещё одним способом достижения бессмертия во все времена был секс — изобретённое природой эволюционное решение проблемы непрерывности, длительности форм жизни. Секс противопоставляет смертность каждого отдельного живого организма бессмертию видов. Только люди знают, что они обречены умереть; только люди представляют себе бессмертие человеческого рода; только для них кратковременное существование тела происходит в тени бессмертия человечества в целом. Подобное знание имеет гигантские последствия; оно является главным фоном и важнейшим источником общеизвестной динамики человеческих культурных новаций, которые, как правило, есть лишь хитроумные изобретения, предназначенные для того, чтобы сделать продолжительность существования социальных форм защищённой от быстротечности и врождённой обречённости на гибель отдельных людей.

Секс является материальным субстратом этого культурного производства бессмертия; образцом или наиболее удачной метафорой усилий, направленных на преодоление смертности отдельного человека и выведения человеческого существования за пределы жизненного срока, отпущенного отдельной личности. Секс вовлечен в величайшее деяние и одно из самых впечатляющих чудес культуры: магическое превращение смертности в бессмертие,

преходящего — в вечное, мимолетного — в нетленное, пишет Бауман. Загадка этого неподвластного логике чуда, поразительная головоломка этого культурного достижения, наиболее уязвимо и трудно для понимания, пропитывает каждый сексуальный акт: общность двух смертных существ проживается как рождение бессмертия. С осознанием человеком собственной смертности секс безвозвратно теряет свою невинность.

Пребывая по другую сторону эротизма, любовь представляет собой эмоциональную и интеллектуальную сверхструктуру, построенную на основе сексуальных различий и их сексуального единения, и тем самым наделяющую секс богатыми и бесконечно расширяющимися значениями, защищающими и усиливающими его способность превращать смертность в бессмертие. Любовь есть очищенная суть того преодоления противоречия между быстротечностью жизни сексуальных объектов и долговечностью их репродукции, которое прозаично достигается во время сексуального акта.

Любовь другого смертного человека — один из главных путей в бессмертие, созданных культурой; можно сказать, что это — духовное зеркало, отражающее порождённую сексуальностью биологическую вечность. В любви надежда и обещание «вечной любви» вкладываются в объект, никоим образом не являющийся вечным; бессмертие любви и любимого — это предлагаемая культурой ложь во спасение, помогающая принять то, что в действительности не поддаётся пониманию. Смертный человек любим, как будто он бессмертен, и он любим смертным человеком так, как это доступно только бессмертным творениям, — полагает З. Бауман.

Наиболее яркой характеристикой эротической революции эпохи постмодерна является разрыв уз, связывавших эротизм, с одной стороны — с сексом (в его главной репродуктивной функции), и с другой — с любовью. В культуре постмодерна заложены предосторожности, обеспечивающие освобождение эротически вдохновленной активности от ограничений, биологически налагаемых репродуктивным потенциалом секса, а культурно —

требованиями вечной любви и строго селективной, фактически эксклюзивной, верности.

3. Бауман обращает внимание на то, что постмодернистское «разрушение бессмертия» — тенденция к обособлению настоящего как от прошлого, так и от будущего — идёт параллельно с отделением эротизма как от сексуальной репродукции, так и от любви. Это обеспечивает эротическому воображению и практике, как и остальным сферам жизни в постмодерне, такую свободу эксперимента, какой они никогда раньше не обладали. Эротизм постмодерна абсолютно свободен; он может вступать в химические реакции практически с любым веществом, подпитывать любые другие эмоции и виды деятельности или извлекать из них соки. Таким образом, эротизм освобождается от звеньев, связывающих его с производством бессмертия — как физического, так и духовного. Но в этом своем эффектном освобождении он оказывается не одинок, следуя гораздо более универсальным течениям, затронувшим в равной мере искусство, политику, жизненные стратегии и практически все области культуры.

В эпоху постмодерна жизненные стратегии «фланёров», «туристов», «игроков» нацелены на получение наслаждения «здесь и сейчас». Они ничего не запасают, не обременяют себя ради отложенного удовольствия никакими обязанностями. Само откладывание чего бы то ни было, включая удовлетворение, не имеет для них смысла, поскольку не существует больше той линии времени, на которой можно было бы выстроить порядок следующих друг за другом эффектов запасаения и счастья. Использование удовольствий вызывает не к отложенности желания и удовлетворения, а к актуальности наслаждения. При этом тело потребителей дисциплинировано и вышколено, с ним требуются специальные нормы обращения: фитнес, диета, калории, бег трусцой, массаж, макияж, подтяжки, тренажёры и пр. Стремление к экстатическим проявлениям и разнузданности мирно уживается с тотальным контролем и практиками дисциплинирования, которые предписывают определённый стиль одежды, формы отдыха, общения, средств передвижения, тип жилища и пр.

Банкротство бессмертия

Общей характеристикой состояния постмодерна является то, что оно сжимает время и сокращает восприятие бесконечно расширяющегося его потока до ощущения текущего мгновения или же расчленяет его на ряд самодостаточных эпизодов, каждый из которых должен проживаться, оставляя глубокое ощущение быстротечного момента, при этом отделяясь, по возможности более тщательно, как от своего прошлого, так и от возможных будущих последствий. Общество радикально пересматривает всю систему ценностей, ещё недавно представлявшихся незыблемыми. Вера в спасительную миссию общества сегодня мертва. Люди утрачивают веру в возможность последовательного движения к определённым целям и вследствие этого отказываются от достижения долгосрочных целей. Политика движений заменяется политикой кампаний, нацеленных на немедленные результаты и игнорирующих долгосрочные последствия; забота о продолжительной славе уступает место стремлению к известности; историческая длительность олицетворяется с постоянным воспроизведением; творения искусства, когда-то предназначенные для того, чтобы пережить своих авторов, подменяются хепенингами-однодневками и одноразовыми инсталляциями; на смену идентичности, которая, как предполагалось, должна тщательно создаваться и существовать на протяжении всей человеческой жизни, приходят конструкторы, удобные для мгновенных сборки и разборки. Новая, присущая постмодерну версия бессмертия предполагает жизнь, проживаемую мгновенно и приносящую наслаждения здесь и сейчас; она уже больше не является заложницей безжалостного и неконтролируемого течения объективного времени.

Сегодня, говорит З. Бауман, в центре внимания критиков находятся произведения искусства, встраивающие мимолётность, случайность и хрупкость в самую модальность своего существования. Самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему

полное равнодушие. Исчезновение и умирание — вот что выставляется ныне в художественных музеях. Самым популярным способом привлечь к себе внимание художественного мира, наиболее надёжным рецептом добывания известности стал хепенинг. Он случается только один раз и не имеет никаких шансов повториться в той же форме и с тем же результатом. Хепенинг рождается с клеймом смерти; близость кончины является его главной приманкой. На хепенингах ни зрители, ни исполнители не знают, что произойдёт дальше, причём привлекательность мероприятия как раз и заключается в этом незнании — в осознании того, что последовательность событий не прописана в сценарии заранее. Толпу привлекает эпизодичность и кратковременность выставок, и как только возбуждение ослабевает, она переключает внимание на другие равнозначные эпизодические события. Современное искусство, от интеллектуального и возвышенного до низкопробного и вульгарного, — это непрерывная репетиция хрупкости бессмертия и возможности отменить смерть. Никакой уход не является последним и окончательным, так как сама вечность представляется таковой «до следующего объявления».

Постмодернистская культура дисквалифицирует жизнеутверждающие символы модерна. На смену образам фабричных труб и ракетных установок пришла информационно-симуляционная стихия знаков, сообщений. Постмодернизм ироничен, он не терпит серьёзности, романтичности, метафизичности, ригоризма и занудства. И тем не менее проблема смерти — одна из любимых тем постмодернизма. Постмодернистское отношение к смерти обнаруживает себя в своеобразном феномене — китче смерти, смерти с улыбкой. Романтическая отвага, бравада, бесстрашие перед смертью замещается массовым тиражированием насилия, убийства, смерти в СМИ, в бесконечных телесериалах, что профанирует индивидуальную и личностную значимость смерти. Достаточно посмотреть на полосу последних новостей СМИ, чтобы усомниться в том, что смерть имеет для современного человека хоть какое-то значение.

Бессмертие больше не привлекает, оно подвергается осмеянию. Теперь смерти, и только ей, придан статус конечного результата. Смерть больше не

является прологом к чему-то ещё, она не открывает дорогу в вечность. Мераб Мамардашвили как-то заметил, что культура начинается с плача по умершему. Сейчас этот плач, оплакивание выходят из моды. «Жизнь прерывается на пороге последней возможной улыбки, и смерть становится видимой только на короткий церемониальный момент, после того как специализированные имиджмейкеры представят свою утешающую мизансцену. И потом, оплакивание выходит из моды в наших обществах, что является и реакцией на традиционное общественное лицемерие, и приземлённой философией выживания. Однако психоаналитики и антропологи показали социальные функции и индивидуальную пользу оплакивания, как его ритуалов, так и его чувств. Но потеря оплакивания есть та цена, которую мы должны заплатить за доступ к вечности при жизни через отрицание смерти»¹⁵.

Заключение

Банкротство бессмертия придаёт новую привлекательность земной жизни. Всегда и всюду большинство людей стремилось продлить свою жизнь, делая всё, что было в их силах, чтобы оттянуть момент смерти. Но вряд ли желание противостоять смерти играло такую важную роль в формировании жизненных стратегий и целей, как сегодня. Долгая, насыщенная потреблением впечатлений и товаров жизнь, которая позволяет получить все возможные и невозможные удовольствия, — вот высшая ценность и главная цель человека эпохи постмодерна. А бессмертие и вечность — это сказка для наивных и простодушных провинциалов, не вкусивших радостей и соблазнов современного постиндустриального общества. Смерти не нужно бояться, говорил Эпикур. Пока мы живы — смерти нет. Когда смерть приходит — нас уже нет. Следовательно, смерти нет ни для живых, ни для мёртвых. Эта идея Эпикура вполне созвучна пониманию смерти в современном дискурсе культуры постмодерна.

¹⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 378.

Vladimir Volkov

Ph.D., professor of management, socio-cultural activities and tourism Academy of Retraining in Arts, Culture and Tourism.

Abstract. Today's death reveals itself a kind of creative source, opposing greed and ordinary bourgeois intelligence. In the idea of sacrificial death-waste contains the ability to break free from the dictates of the powerful tradition, repressive ideology of the dominant discourse, to open a new, unexpected, unknown. Death — life event, a series of microevents that eat, crumble, subjected to erosion life. Death is not something that a person is waiting for the end of life — it often comes in the lifetime. Life and death in the event of being dispersed in the form of crises, drama, change of ideas, lifestyles, experiences, emotional turmoil. Death, coexisting with life, is the result of partial global deaths. And he can simulate the long life, when he was already dead. And live, being dead, in culture, in memory, in our hearts.

Keywords. Death, immortality, eternity, the meaning of life, nation, family, postmodern.

Библиографический список

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бауман З. Текущая современность СПб.: Питер, 2008.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, 2009.
- Слотердаик П. Сферы. Микросферология. Т. 1.: Пузыри. СПб.: Наука, 2005.
- Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2. Глобусы. СПб.: Наука, 2007.
- Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3. Пена. СПб.: Наука, 2010.
- Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
- Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.

Bauman, Z. *Mortality, Immortality and Other Life Strategies*. Polity Press, 1992, 215 pages.